

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ПУБЛИЦИСТИКИ О ЛИТЕРАТУРЕ. ПОПЫТКА ОБЗОРА

Не только на сайте, но и в журнале, которым я по роду работы занимаюсь, мне в последнее время все заметнее факт того, что читателями активно востребованы те публикации, которые касаются общелитературных вопросов: начиная от техники литературного творчества и заканчивая вопросами авторской личности, взаимоотношений в творческих коллективах и т.п. К чему бы это?

Мне кажется, что сейчас, во времена техногенной цивилизации, когда последние лет 20 были отданы обществом пополам проблемам выживания и процессу технического усовершенствования собственного быта, общество в целом, и отдельные его представители в особенности ощущают дефицит в опоре культурной. Что-то успело позабыться, а что-то и рассосалось в суете перестроек и перестрелок. А потому, когда дело доходит до культуры и творчества, в особенности при желании личного участия в этих процессах, человек порой понимает, что ему надо заново перечитать какие-то книги и заново поговорить о каких-то краеугольных моментах – иначе у него отсутствуют ориентиры для определения собственного маршрута и оценки правильности выбранного пути.

В журнале «Россияне» мы открыли рубрику «Мастер-класс», которая отличается от привычного понимания специфики такого раздела - в нем серьезные представители различных творческих профессий рассказывают читателю о том, как правильно ВОСПРИНИМАТЬ произведения искусства, а не о законах и хитростях ремесла. Думаю, не погрешу против истины, если констатирую: сегодняшнее пространство в России испытывает потребность не столько в тех, кто хочет (и даже может) сотворить нечто интересное, сколько в тех, кто это интересное в состоянии заметить, отделив от общей массы «компьютерных художеств» и «сетератур».

Причем понимание необходимости такого навыка (или хотя бы подсознательная тяга к нему) растет день ото дня, что, честно говоря, радует. Так как создает необходимую основу для появления того поля, в котором российская культура, долгое время пребывавшая в забвении, сможет снова почувствовать себя комфортно.

Искусству нужен зритель. Или читатель – в зависимости от жанра. Это конечно симпатично, что сегодня многие пытаются писать самостоятельно, но было бы еще приятнее, если бы такое же количество (или хотя бы половина его) пытались при этом еще и читать. Некоторый рост присутствует и в этом вопросе: театры стали более заполняемы, на выступлениях поэтов не так уж много пустующих мест в залах (залы, правда, пока все еще небольшие), выставки посещаются, концерты и т.д. Но важно, чтобы подрастающее поколение, отвлеченное от культуры сетевыми играми в нее, постепенно осознавало: надо всерьез «нырять» в это пространство. Иначе можно опоздать и выглядеть среди своих более умных сверстников несколько... «дубовато». Компьютерных «скалозубов» нынче развелось предостаточно. Знаменитое «фельдфебеля в Вольтеры» заменилось на современное: «сисадмина в Бродские». Пока это еще раздражает. Когда начнет устойчиво вызывать улыбку, мы сможем констатировать, что дело с мертвой точки сдвинулось.

Давайте обозначим для себя основные проблемные точки современного положения дел.

1. Легкость имитации творческого результата.

Вот, что я имею в виду. Если раньше то же самое стихотворение существовало прежде всего на бумаге, написанное при неудобном освещении с помощью гусиного пера, которое еще надо было затачивать и аккуратно макать в чернильницу, чтобы не наставить клякс, то сегодня печатный текст, набранный и стандартно сверстаный – вообще не проблема. Даже пишущая машинка – та же «Оптим-Роботрон» или жужжавшая и гремевшая электрическая «Ятрань» – и те требовали напряжения для того, чтобы собственные сочинения размножить. А еще между автором и массовым читателем стояла необходимость купить бумагу, копирку, разложить все это листами (по три нормальных копии и одна «слепая»), собрать, сшить, раздать... Не говорю уже о муках пробивания рукописи в официальную печать...

Короче говоря, совершить подобные усилия и выдать «на гора» в результате текст, который тебя же еще и выставлял в дурацком свете, решался далеко не каждый. Читали друзьям, приносили на ЛИТО, робко приходили в небольшие редакции, мучились, совершенствовались... Кое-кто шел путем поиска «знакомств», но таких было все же не так уж много. Клиническая тяга дурака к славе существовала всегда, но и отношение к ней всегда было соответствующим. Имеется в виду – в массе читательской. В большинстве ее.

Нынче все стало куда как проще. Технология породила иллюзию: отпечатанный даже на экране текст выглядит «как настоящий». Буквочки ровные, строчечки все по линейке, да и распечатать можно в любом количестве «первых копий». С виду – книжка, как книжка. Я только всегда вспоминаю цитату из Лазаря Лагина – «Старик Хоттабыч». Там древний маг пытался сделать для своего спасителя Вольки телефон, и создал его из куска чистого мрамора. Лагин пишет:

*«— Значит, внутри там ничего нет? — разочарованно спросил Волька.
— А разве внутри должно что-нибудь быть? — забеспокоился Хоттабыч.
— В таком случае, понятно, почему этот телефон не действует, — сказал Волька. — Ты сделал только макет телефона, без всего, что полагается внутри. А внутри аппарата как раз самое главное.»*

... «А разве внутри что-нибудь должно быть...» - эх, если бы создатели симпатичных сетевых разверток в рифму и с картинками хоть на минуту задавались этим вопросом. Сколько бы мы прочитали хороших стихов. Но – форма отвлекает. Все уже гладенько – чего ж еще стараться. Сказанное в полной мере относится и ко многим другим видам творчества – не только к литературе. Фотография цифровая сейчас породила десятки тысяч «профессионалов» с камерами. И миллионы похожих как две капли воды снимков. Не только по сюжетам – по абсолютно «нулевой» технике исполнения, отсутствию композиции, мысли и еще десятка составляющих.

В принципе, любому мало-мальски грамотному читателю и зрителю такие проблемы очевидны. Но только «любых мало-мальски грамотных» пока не так много. Что создает иллюзию собственной успешности для дилетантов.

2. «Рука руку моет».

Не надо думать, что имитации в творчестве столь уж смешны и безобидны. Когда их мало – пожалуй, да. Мы стыдливо прячем глаза, слушая «вирши» пожилого ветерана, написанные им ко дню взятия деревни Жмыринки своим сослуживцам. Слушаем и улыбаемся: «Чем бы ни тешился...» Однако, субкультура, которая раньше была альтернативой культуре официальной, переродилась, благодаря компьютерам и Интернету. Теперь она просто «альтернатива культуре». Ибо в ней собралось достаточное количество имитаторов, которые прекрасно

понимают, что стоит им ослабить свои ряды, как придется выслушать немало нелицеприятных слов о своем творчестве со стороны более или менее искушенной публики. Как они обороняются? Да, очень просто. Они вводят собственные критерии.

Опять же, безобидные и увлекательные сетевые творческие конкурсы – ой, как они не безобидны при всей своей увлекательности. И мне, да, я думаю, и любому человеку, который «в материале», приходилось встречаться с дядями-тетями, у которых вся грудь в регалиях: сплошь лауреаты. И попробуй ты в местах их привычного обитания опубликуй что-нибудь стоящее. Сожрут толпой. Ибо для них любой серьезный текст – покушение на собственную значимость. Только их критерии «имеют хождение» - как национальная валюта в Корее. И будут они стоять насмерть за свое право оценивать других и оцениваться самим по определенным удобным меркам. «Прокрустово ложе» творчества. На котором «ноги-головы» рубят «неразмерным» авторам – любо дорого посмотреть.

Развенчивать, приводить в соответствие такую практику введения «облегченных норм» в творчество опять же должна и серьезная критика, и серьезная литературная публицистика. Вопрос не в том, чтобы горлопанствовать и ниспровергать – это для политиков. Вопрос в том, чтобы создавать грамотное и интеллигентное информационное пространство, в котором читатель найдет для себя ответы не только на вопросы, что «хорошо» и что «плохо», но и ответы «почему» именно так.

Литературная публицистика может противопоставить воинствующим принципам дилетантизма взвешенное и спокойное понимание ситуации. «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь». Чтобы произнести такую фразу, нужна уверенность. Уверенность дают знания и понимание. И эта уверенность – хуже горькой редьки для имитаторов. Она их выпалывает, как сорняки с огорода. Ну а те, кто поумнее и поспособнее, вынуждены оказываются что-то в своем отношении к жизни и творчеству менять.

3. Боги и горшки

Одной из проблем с ростом общей информированности и искушенности в культуре является наша вечная нехватка времени. Преподавая в старших классах школы, я проводил такой эксперимент: умным и самоуверенным старшеклассникам, для которых «преподы» и «шнурки» (т.е. родители) – сплошь ретрограды и отсталые придурки, давал простое задание на отметку: «Расскажите, о чем сказка «Колобок».

Вы не поверите, но из 25 человек класса в первые две минуты вообще никто ничего сказать не может. Потом начинаются предположения одно другого краше.

В таких случаях я спрашиваю далее: «В каком возрасте Вы познакомились с этой сказкой?» Лес рук: «Я в три! Я в четыре! Я в пять». Резюмирую: «Вот с этого возраста Вы перестали понимать печатный литературный текст. Начнем восполнять пробелы».

Результат 100%. Мы заканчиваем год большими друзьями, а класс начинает становиться куда более «умно-креативным», чем был до того. Идеи рождают – приятно слушать. Ну и апломб юношеского становится поменьше – не хотят выглядеть глупо. В общем, мы потом встречаемся уже после их выпусков: и это для меня лично встречи приятные. Опять понимаю: это востребовано. Жаль, мало кто из педагогов сегодня это дает. Программа напряженная – по душам поговорить с детьми некогда. ЕГЭ надо сдавать, чтоб его...

Но... Все, в общем-то не так фатально, как представляется. Во-первых, никто не отменял личного интереса и желания как-то восполнить информационные пробелы. В брежневские времена с доступностью хорошей литературы тоже было все не так просто, но кто хотел, тот читал. Во-вторых, вопросы понимания литературного процесса и умения серьезно судить о чужом творчестве – это проблемы, которые решаются не с помощью «Википедии», откуда можно почерпнуть сведения о незнакомой строчке, а настоящим чтением настоящей литературы. Кто-то меня опять назовет занудой, но начинать стоит с классики. Причем, с ранней. Тем, кто хочет к литературе прикоснуться всерьез и надолго, я всегда советую взять список книг, по которым сдают экзамен в МГУ – предмет «Литературоведение». Взять его – и прочесть. От корки до корки. Вдумчиво и серьезно, а может быть порой и с карандашом в руках. Это станет залогом того, что свои выводы вы будете строить не в пустоте, но на серьезной основе. Сможете проследить тенденции, преемственность, переходы стилей, рождение жанров и направлений. Короче говоря, обретете тот необходимый минимум знаний, который необходим в любом деле – от кулинарии до строительства космических кораблей. Без этого минимума Вы очень сильно рискуете оказаться в своих выводах поспешными, а в доказательствах голословными.

Дело не в «академизме» - дело в подготовленности. И освоить это может абсолютно каждый человек, главное подходить к литературе не с точки зрения того, что «тут любой может», а с желанием окунуться в волшебную тонкость этой среды.

4. Спрашивайте, отвечаем. ...Только сперва спрашивайте, пожалуйста

Одним из проверенных способов не попасть в неловкие ситуации, желая высказать какие-то теоретические соображения о литературе вообще и о каких-то произведениях ее в частности, является практика задавания вопросов.

Даже у самого искушенного литературоведа или критика далеко не всегда хватает внутренней подготовки для того, чтобы правильно понять то или иное произведение автора. Порой бывает так, что автор, либо в силу собственного стиля, либо в силу большей подготовленности, пишет не слишком просто – и под самой несложной внешней формой скрывается много разного, чего критик не замечает.

Это не фатально. Вопрос к автору всегда полезен, если что-то непонятным осталось – либо на это недопонятое указывают другие. Во-первых, автору полезно пообщаться на тему своего произведения с заинтересованным читателем. Да и приятно – если заинтересованность искренняя. Во-вторых, у критика нарабатывается инструментарий понимания. А это просто необходимо.

Когда-то были «встречи с читателями», на которых авторы отвечали на многочисленные вопросы. Иной раз такие встречи проходили формально и скучно, но иногда – живо, остро и весело. Сейчас Интернет расширил возможности контакта автора и читателя – этим надо пользоваться. Постепенно будет вырабатываться собственный взгляд на вещи, собственные – обоснованные, а не «нанесенные ветром» литературные предпочтения, которые – вот чудо! – не станут причиной неуважения к другим авторам – вне собственных любимых. Просто все станет на места: вот такая я личность, вот это мне близко, а вот это мало трогает. И еще – станет очевидной возможность изменений. В какой-то день вдруг один из ранее не слишком любимых авторов зазвучит по новому. А кто-то из бывших любимых отойдет на второй план. Это естественно – это показатель того, что человек живет, и что-то в нем происходит. Опять же, тут многое решается общением. Но только не агрессивным: «Я считаю, что это хорошо, значит, все так должны считать! – Я думаю, что это «отстой», значит, и все так же».

Литературная публицистика в этом смысле – одна из форм беседы. И потому мы ее продолжим. Не обязательно соглашаться с автором, главное, чтобы сам факт обсуждения литературы и ее составляющих продолжался. Это залог жизни литературной культуры в нашем Отечестве.